А.Ф. Рогалев

От Гомиюка до Гомеля

Городская старина в фактах, именах, лицах

Гомель

ОДО «Барк»

2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

1. Древние реалии гомельских оврагов 9

2. Подтекст названия Батарейной улицы 18

3. Колыбель пращуров 20

4. Волотовское предание 25

5. «А радимичи и вятичи от ляхов…»
К интерпретации летописной легенды 30

6. Имена далеких предков 36

7. Узоры семейных флагов 48

8. Свидетельствуют документы 66

9. Город и горожане в перипетиях этнополитической истории
(с IX века до 1775 года) 77

10. Время Румянцевых 115

11. Паскевич-отец и Паскевич-сын. Последняя гомельская княгиня 127

12. Формирование улиц гомельского центра 141

13. Из истории улиц гомельской периферии 160

14. Как росла Новая Белица 194

15. История продолжается (вместо заключения) 203

Марьина Горка под… Борщовкой 204

Чёнки 205

Что означает – Губичи? 206

Как начинались Костюковка и Большевик 207

Еще один взгляд на стрекопытовский мятеж 208

Список использованных источников 211

ВВЕДЕНИЕ

Каждому из нас свойственно стремление осознать свое родство, свои кровные связи с Отечеством и присуща непреходящая любовь к родным местам, например, к тому городу, где человек родился и вырос. Но на чем зиждется столь прекрасное и возвышенное чувство?

Увы, ответить однозначно на этот вопрос не представляется возможным, поскольку каждый любит и ценит свой город неповторимо, индивидуально. Автора этих строк, например, властно манит прошлое. В нем для нас – весь Гомель, его улицы и здания, районы и ближайшие окрестности. Кому-то это может показаться неинтересным и не стоящим внимания, слишком далеким и безвозвратно канувшим в Лету, и он отложит эту книгу в сторону, пролистав лишь первые ее страницы.

Многие живут исключительно надеждой на будущее, повторяя своих предшественников, считавших, что прошлое не воротится и поэтому не стоит особого внимания. Между тем настоящее – это непознанное прошлое. То, что есть и что будет, уже было. Наши далекие предки недаром представляли вечное время в виде круга. Древние семиты и греки верили, что время течет из-за спины человека. Будущее, следовательно, располагается за спиной – там, где у человека нет глаз и куда не проникает его взор. Прошлое, напротив, – целиком перед глазами человека. Так распорядились боги. Жить нужно настоящим, видя прошлое и понимая его ради будущего.

Один из способов убедить кого-то в чем-то заключается в ссылках на авторитеты. Давайте же послушаем их и мы. **Лев Николаевич Гумилёв**: «…Настоящее – только момент, мгновенно становящийся прошлым. Будущего нет, ибо не совершены поступки, определяющие те или иные последствия, и неизвестно, будут ли они совершены… А прошлое существует; и всё, что существует, – прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. …Говорят, и не только профаны, что знание прошлого для нашей практической жизни бесполезно. В древности такие люди ходили к ворожеям и астрологам гадать о будущем. И те гадали, подчас удивительно верно. Но как гадатели добивались успеха? Изучая прошлое, проверяя возможные варианты и уточняя прогнозы, потому что число вариантов в данной ситуации всегда ограничено… Знаемое прошлое воплощается в настоящее, то есть в успех».

Анатоль Франс: «Будущее в настоящем, но будущее – и в прошлом. Это мы создаем его. Если оно плохо, в этом наша вина».

Александр Иванович Герцен: «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперед».

Николай Константинович Рерих: «…Если люди обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетние причины… Только немногие невежды скажут: «Что нам до наших истлевших праотцов!» Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, но со всею открытостью и радостью сердца».

Таким образом, задача очерчена как будто ясно и определенно: мы должны искать истоки. И если кто-то вслед за нами согласится с такой необходимостью, то обязательно прочитает эту книгу до конца, поскольку она как раз и представляет собой итог двадцати пяти лет работы автора, стремившегося найти утерянное и забытое, познать неисследованное.

«Три пути ведут к знанию, – писал китайский философ Конфуций, – путь подражания, путь размышления, и путь опыта». Первый путь – очень легкий, второй – весьма благородный, а третий – самый горький. Мы прошли все три пути и убедились в том, что история – интересное, но и неблагодарное занятие. Максимально удовлетворить вкусы и ожидания различных представителей общества вряд ли возможно, поэтому всегда остаются недовольные, упрекающие автора в ошибках и тенденциозности. Ошибки на пути исторического поиска, однако, неизбежны, особенно в тех случаях, когда нужно реконструировать страницы, объективно истлевшие от времени.

Второе издание нашей книги как раз и связано с исправлением и дополнением варианта, датированного 1993 годом. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века автор этих строк был по сути первопроходцем на неразрабатывавшейся и заброшенной к тому времени «ниве» досоветской истории Гомеля. Опираясь на скудные опубликованные факты и рассказы старожилов, дополняя их собственным воображением и лингвистической информацией, извлеченной из географических названий, мы конструировали свое прочтение минувших веков, руководствуясь обращенной к читателям установкой: написанное нужно либо принять, либо смириться с тем, что написано. Новые материалы и факты позволяют внести коррективы почти во все разделы прежней книги, а новые находки и исследования – рассказать о том, о чем не было рассказано ранее. Не ошибается, как известно, тот, кто ничего не делает, но упрекать в ошибках и недочетах следует тех, кто не желает их видеть и исправлять. Новая версия книги, таким образом, представляет собой основательное переосмысление первого издания.

Что касается тенденциозности, то еще английский философ и литератор конца XIX – начала XX веков Г. Честертон высказался об этом так: «Истории нет, есть историки…». Даже в так называемых первоисточниках (например, в древних летописях или заметках путешественников, записках современников или очевидцев тех или иных событий) тенденциозности не меньше, чем в научных работах нового времени, в которых фрагменты первоисточников используются как доказательства соответствующих построений. Но есть, как говорится, тенденциозность и … тенденциозность. С одной стороны – тенденциозность искусственная и намеренная, а с другой стороны – тенденциозность органичная, обусловленная самой «сущностью» автора-исследователя как представителя определенной идейной, социальной, этнической, культурной среды. Абсолютно «чистых», независимых и полностью объективных авторов никогда не было и не будет. Более того, произведения мастеров слова, лишенные авторского «я», не отражающие субъективного взгляда на мир, личной оценки наблюдаемого, вообще неинтересны. Так же и научные работы, в которых не просматривается позиции, как правило, не вызывают у читателей особого интереса. «Органичная тенденциозность», таким образом, задается образом мышления и мировосприятием любого автора. Такая тенденциозность – это пристрастность. Что же в этом плохого?..

Если изучать первоначальную историю Гомеля только с помощью летописных известий, то наши представления о далеком прошлом города неизбежно будут очень схематичными, условными и односторонними. Древние летописи, как правило, регистрировали кульминационные моменты исторического процесса – и такие наиболее важные, общевосточнославянские по своей значимости события, как принятие христианства, и менее значительные, но существенные для истории той или иной местности, как, например, основание городов, смены князей, военные походы и столкновения, браки представителей правящих династий.

Повседневная же жизнь города, быт, занятия, интересы горожан, само видение и восприятие ими действительности оставались вне поля зрения летописца. Кроме того, имеющиеся письменные источники относятся к очень позднему времени (первое упоминание Гомеля датируется лишь серединой XII века) и не позволяют составить представления

о начальных этапах гомельской истории. На помощь историкам в таких случаях приходят археологи. Археологические исследования преодолевают временной «барьер» письменных памятников и существенно дополняют наши знания о подробностях именно повседневной жизни жителей как летописного, так и долетописного Гомеля.

Благодаря стараниям гомельских археологов стало неопровержимым фактом давнее предположение о том, что Гомель существовал задолго до упоминания его в 1142 году в Ипатьевской летописи. В середине XII века Гомель являлся достаточно крупным политическим, торговым и культурным центром Восточной Славии. Археологические материалы дали возможность заключить, что еще в конце X – начале XI веков Гомель был поселением городского типа.

Однако и возможности археологии ограничены. Мы согласны с историком и этнологом Л.Н. Гумилёвым, считавшим, что при помощи археологических находок «эпоху можно определить удовлетворительно, но этнический состав невозможно». Представляют интерес также следующие мысли ученого на тему «Можно ли верить памятникам?» (цитируем): «Памятники материальной культуры четко отмечают периоды расцвета и упадка народов и поддаются довольно четкой датировке. Вещи, находимые в земле, или старинные могилы не стремятся ввести исследователя в заблуждение или исказить факты. Но ведь вещи молчат, предоставляя полный простор воображению археолога… Мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных находках… Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен, высотой в один отпечаток кирпича. А при этом еще надо помнить, что найденное – ничтожная часть пропавшего… Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее несуществовавшим и не вводить на это поправки – ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам…».

Действительно, пользуясь лишь безгласным археологическим материалом, трудно судить о том, как назывались соответствующие народы, заселявшие территорию распространения той или иной археологической культуры, на каких языках говорили представители отдельных группировок, на каких языках – их предшественники. За теми или иными археологическими древностями могут скрываться единства разного рода. Материальная культура перенимается соседями легко, так как зависит от ландшафтных условий и уровня техники, и все этнодиалектные группы внутри соответствующего региона обладают сходной структурой культуры.

В современной науке при исследовании истории этнических отношений в далеком прошлом, миграций этнодиалектных групп и для определения этнической и языковой принадлежности древних обитателей соответствующей местности в дополнение к собственно историческим и археологическим материалам широко привлекаются языковые данные, в частности, антропонимы (имена, прозвища и фамилии) и «язык Земли» (географические названия, или топонимы). Антропонимические и топонимические факты, говоря образно, «озвучивают» историческое «действо». Автор этой книги, занимаясь долгие годы разработками в области этнолингвистики, антропонимики, топонимики и топографии, убедился в том, что в системе имен собственных, существующих в той или иной местности, обычно сконцентрирован и зашифрован текст – увлекательный рассказ, имеющий своеобразный сюжет, иногда очень неожиданный и впечатляющий. В новой редакции своей книги, построенной в значительной степени на лингвистическом материале, мы как раз и стремимся показать и доказать, что слова, имена и названия – это своеобразные документы, специфические исторические памятники, имеющие значение первоисточников.

Книга состоит из ряда очерков, в которых читатель найдет ответы на самые разные вопросы, связанные с предысторией и становлением Гомеля. С помощью географических названий мы реконструируем доисторический природный и этноязыковой ландшафт гомельских окрестностей, общий вид и характер местности, в которой происходило формирование догородских поселений, а затем и самого города. Специальный раздел посвящен происхождению радимичей, причем историко-лингвистические соображения

дополняются анализом отраженных в летописях радимичских обрядов и традиций. Новые штрихи внесены в объяснение названия *Гомель* и в генеалогическое предание о прародителе Гоме, сам факт сохранения которого свидетельствует о преемственности населения в гомельских окрестностях на протяжении многих веков. Впервые представляется реконструированная нами система личных имен древних обитателей территории современного города – от неолитических охотников до радимичей, отражающая мировосприятие и образ мышления наших далеких предков. Имена радимичей анализируются в тесной связи с современными фамилиями гомельчан. Многие из фамилий, зафиксированных в Гомеле и его окрестностях, восходят к древнерусским именам и прозваниям и поэтому имеют типологическое сходство с антропонимиконом радимичей.

Повествование о древнем периоде гомельской истории сменяется рассказами о Гомеле и гомелянах X–XIV веков и последующего времени. Историю творят именно люди. Их дела и поступки, мнения и распоряжения, даже порой обыкновенная прихоть нередко обусловливают как перипетии событий и обстоятельства их совершения, так и фон, на котором разворачивается «полотно» истории, сам рисунок этого «полотна», сотканного объективными закономерностями и ходом времени. История в лицах, которая на этот раз не ограничивается только «портретами» правителей (князей, вельмож, старост), но и дополняется представлением рядовых горожан посредством их именований, отраженных в письменных памятниках, перемежается с изложением политических событий, предопределявших судьбу города и его жителей.

Отдельные очерки посвящены формированию улиц и районов Гомеля, происхождению их названий. Эта часть книги построена на истинно краеведческом материале, собранном и осмысленном нами за многие годы поисков, расспросов старожилов и очевидцев того, о чем рассказывается. Здесь местная история приобретает тот неповторимый колорит, который близок и дорог каждому человеку, любящему и ценящему свою малую родину.

Несмотря на солидную теоретическую основу нашего историко-лингвистического повествования, его не следует воспринимать как сугубо научный труд, где все строго документировано, доказано и снабжено скрупулезным справочным аппаратом. Структура нашей работы и форма подачи материала в виде научно-художественных очерков, сама манера изложения, наконец, язык книги, не отягощенный специальной терминологией и соответствующий нормам публицистического стиля, свидетельствуют, что написанное – это прежде всего книга-версия, самовыражение автора, увлеченного прошлым, личный взгляд человека, стремящегося отыскать и увидеть то, чего не замечают другие. Во многом мы намеренно и сознательно принимаем художественную форму рассказа, особенно в тех случаях, когда пытаемся, исходя из представленного на своеобразной исторической сцене, заглянуть за опущенный самим временем занавес и представить то, что никогда не будет из-за отсутствия прямых доказательств и документов описано ни в одном формальном научном трактате.

Учитывая неспециализированный характер издания, мы отказались от сложной системы сносок и ссылок. Полный список использованных источников помещен в конце книги. Лишь в самых необходимых случаях прямо в тексте указываются авторы, чье мнение или сообщение мы принимаем при построении собственных соображений. При написании книги использована наша личная картотека, насчитывающая около пяти тысяч топонимических, антропонимических, исторических, краеведческих, мифологических и прочих фактов, а также списки крестьян-дворовладельцев по «Реестру ревизии господарской Гомейской волости» 1560 года и «Инвентарю староства Гомельского…» 1681 года, опубликованные кандидатом исторических наук О.А. Макушниковым, чей вклад в реконструкцию гомельских древностей неоспорим.

Теоретической основой книги явилась наша докторская диссертация на тему «Этнические и географические названия как источник для изучения этноязыковой истории (на материале Беларуси)».

1. ДРЕВНИЕ РЕАЛИИ ГОМЕЛЬСКИХ ОВРАГОВ

До сих пор помню, как в далекие годы детства, когда я учился в четвертом классе, наша учительница, которая наряду с другими предметами преподавала и природоведение, водила нас, учеников последнего года начальной школы, смотреть крутые овраги на высоком правом берегу Сожа. Это сегодня откосы оврагов укреплены и аккуратно обсажены декоративной травкой, а дно заасфальтировано. В 60-е годы XX века всё было иначе: например, крутой спуск-овраг, ведущий к Сожу от улицы Билецкого в районе гребных баз, был самым настоящим диким местом, заросшим колючками-лопухами и другой травой в рост школьника младших классов. Не думал я тогда, что мне придется заниматься этими оврагами совсем не с природоведческой точки зрения и разгадывать уже собственно исторические их загадки.

В очень давние от нашего времени века овраги на территории современного гомельского центра представляли собой самую заметную особенность местности. Оврагов было много, и остатки их мы сейчас перечислим. Прежде всего, это известный всем гомельчанам овраг Гомиюк с так называемым Лебединым озером. Далее – также хорошо известные Киевский спуск (до 1923 года – Соборный спуск) и Ильинский спуск. Через 100–150 метров от оврага, с которым я познакомился еще будучи школьником (его имя – Боярский спуск), есть еще один крутой спуск – по улице Сожской, известный старожилам как Крушевский спуск. В районе современного грузового порта в начале XX века существовал овраг под названием Дедно. Как мы полагаем, с этим оврагом связана конечная часть нынешней улицы Волотовской, представляющей собой крутой спуск к Сожу. Недалеко отсюда, на участке между современным телецентром и цирком (напротив улицы Комсомольской), находились верховья так называемого Цыганского спуска.

Впрочем, верховья Цыганского спуска, как и других оврагов, в значительной степени «стерты» временем. Сохранились лишь отдельные их «следы», которые, в отличие от низовий, не так заметны глазу. Вспомним отчетливое понижение по Советской улице вблизи Пионерского парка, а также менее рельефное понижение возле площади Труда. Первая низина, по-видимому, являлась верхней частью оврага, который шел далее по улице Волотовской и, как можно предполагать, ответвлялся в сторону улицы Сожской. Вторая низина наверняка связана с Киевским или Боярским спусками, а может быть, и с оврагом Гомиюк, имевшим, по рассказам старожилов, три вершины.

Если рассматривать русла не каждого оврага в отдельности, а внимательно проанализировать их в системе, то мы увидим, что все овраги начинались примерно из одного места, из общего центра. Таким «центром» был болотный массив, который в середине XIX века находился на северо-западной окраине города. В 1873 году через Гомель прошла линия Либаво-Роменской железной дороги, которую на участке от нынешней улицы Полесской до вокзала пришлось прокладывать по низинной, болотистой местности. Тут требовалось насыпать грунт, который возили с другого участка железной дороги в границах города, где, наоборот, необходимо было срезать лишние пласты земли. Таким участком была территория от современного Мохова переезда, расположенного на месте пересечения улиц Гагарина и Украинской, и до самой реки Сож. Ширина участка, на котором срезалась земля, была равна ширине железнодорожного полотна. Тут делали плавный, постепенный спуск линии железной дороги до уровня реки, в результате чего образовалась так называемая *Горка* (городской микротопоним, неофициальное наименование), вдоль которой сформировалась улица Андреевская (сегодня – Украинская).

Возвратимся, однако, к болотному массиву. Либаво-Роменская железная дорога разрезала его на две части. Восточную часть – под названием *Горелое болото* – еще помнят гомельские старожилы. Район Горелого болота начинался за зданием бывшей мужской гимназии (сейчас – старый корпус Белорусского государственного университета транспорта) и тянулся до железнодорожной станции.

Горелое болото было настоящим, в полном смысле этого слова, болотом, его окончательно засыпали только в начале 60-х годов XX века. Тогда весь этот район был перепланирован и занят новой капитальной застройкой. Само же Горелое болото занимало около восьми гектаров, то есть было совсем не маленьким. Старожилы помнят болото густо заросшим камышом, осокой и угнетенным кустарником. В жаркие летние дни растительность пересыхала и становилась пожароопасной. Болото горело не раз, и по этой причине, как обычно считают, и получило свое название.

Западная часть болотного массива занимала район современного стадиона «Локомотив», от улицы Орловской (ныне – Воровского) до улицы Ивановской (Котовского). Эту его часть гомельчане называли *Ярославским*, или *Орловским болотом*. Жителям начальной части Ярославской улицы приходилось сооружать насыпи-дамбы, чтобы не подпускать болотную воду вплотную к фундаментам своих домов. Территория болота равнялась примерно площади двух таких стадионов, как «Локомотив». В зимнее время оно превращалось в великолепный каток, на котором по вечерам собиралось много народу, особенно детворы. Коньки в начале XX века были редкостью, поэтому катались кто на чем мог, в частности, на стальной проволоке, которую прикрепляли к деревянной колодочке, а ту, в свою очередь, к ботинкам или валенкам.

Летом же по всей поверхности болота плавали домашние и дикие гуси и утки. Местные жители собирали на его берегах гусиное перо, которое использовали для изготовления подушек.

Во второй половине 20-х годов XX века, когда шло строительство стадиона «Локомотив», Ярославское (Орловское) болото засыпали, прокопали сточные (дренажные) канавы. В наши дни сохранились остатки этих канав вдоль улицы Социализма.

Две части болотного массива – Горелое и Ярославское (Орловское) болота – до проведения через Гомель первой линии железной дороги, составляли, как мы сказали выше, единый географический объект, который в исторической ретроспективе следует рассматривать как остаток последнего оледенения.

Максимальное распространение последнего ледникового покрова на равнинах средней полосы Европы наблюдалось около 16–17 тысяч лет назад, когда ледник достиг высот Балтийской гряды и Валдайской возвышенности. Но уже 11–12 тысяч лет назад территория Русской равнины и Прибалтики (по крайней мере, юго-восточной Прибалтики) полностью освободилась ото льда. По всей видимости, именно в данный промежуток времени образовались и гомельские овраги, и громадное озеро, ставшее впоследствии болотом. «Механизм» этого процесса мы представляем следующим образом.

Над ледником стоит преимущественно антициклон, который покрывает также и приледниковые районы (окрестности Гомеля относились как раз к таким районам), превращая их в сухую тундру, согреваемую прямыми лучами солнца. Несмотря на холодный воздух, в приледниковых районах было тихо, ясно, сухо, а под солнцем – и тепло. С края ледника стекали ручьи и, устремляясь по стокам в низины, образовывали озера.

Около 10 тысяч лет назад ледник отступил в район Финского залива, а еще через две тысячи лет растаял у подножия Скандинавского нагорья. В это время в окрестностях Гомеля приледниковая растительность, удивительным образом сочетавшая тундровые и степные элементы (полынь, лебеда, полярная ива, карликовая березка, редкая сосна), сменилась густым лесом, в основном сосновым и березовым. В пресном озере появилась рыба, и здесь же, на озере, селилась водоплавающая птица. Леса являлись приютом для разнообразного зверя, в том числе и пушного. Возник естественный природный оазис, привлекавший человека, кроме всего прочего, удобствами пересеченной местности.

Дело в том, что озеро было многоводным из-за значительного поднятия уровня Мирового океана (таяние ледника давало о себе знать), и избыточные воды вытекали ручьями в сторону Сожа. Наносные осадочные породы ледниковой эпохи, а также коренные песчаные и супесчаные почвы легко вымывались этими водотоками. В результате их русла довольно быстро превратились в глубокие овраги, особенно впечатляющие на склонах правого надсожского берега.

Чистое, полноводное и богатое рыбой озеро превращалось в болото (т. е. загнивающий водоем) постепенно, по мере воздействия человека на окружающий ландшафт, в частности, в результате сведения вокруг озера девственных лесов в связи с развитием подсечного (огневого) земледелия. Не поэтому ли, кстати, и возникло название *Горелое болото*, переосмыслившееся впоследствии под впечатлением нередко случавшихся на нем пожаров? Географические названия, возникшие в глубокой древности и функционирующие на протяжении столетий, имеют, как правило, несколько этимологий, отличаются множественной мотивацией. Они «живут» во времени, следовательно, по-разному осознаются носителями имен в каждую данную эпоху. Для гомелян XIX – начала XX веков, видевших объятое пламенем болото, факт ведения огневого (подсечного) земледелия их далекими предками в этих же местах много веков назад был малоактуален. Скорее всего, он им был вообще не известен, поэтому давний топонимический факт (название) был переосмыслен и с такой «преображенной» семантикой и соответствующей мотивировкой передан по эстафете следующему поколению.

Озеро стало превращаться в болото, как нам представляется, не ранее начальных веков новой эры, когда на его берегах появились первые славянские поселенцы. Предшественники славян были главным образом охотниками и рыболовами, в некоторой степени животноводами и совсем плохими земледельцами. Их хозяйство было приспособлено к ландшафту много поколений назад, жизненный цикл повторялся из десятилетия в десятилетие без существенных изменений и новшеств, что и позволяло им обеспечивать существование в том жизненном пространстве, которое выделила им судьба, не прибегая к усовершенствованию орудий труда и способов производства и проявляя исключительную консервативность по отношению к природе. Поэтому озеро оставалось озером в лесной, пересеченной многими крутыми и глубокими оврагами местности вблизи большой реки. Оазис оставался оазисом.

Появившиеся славянские переселенческие «ватаги» заняли свою экологическую нишу, оседая по долинам рек и расчищая небольшие на первых порах делянки для ведения земледелия, что, кстати, и позволило им расселяться спокойно и мирно, без жестоких столкновений со здешними обитателями и без противоборства с их стороны. Когда славянских общин стало много, местные племена уже не могли помешать чужакам развивать бурную деятельность, направленную на преобразование природы и приспособление территории к насущным нуждам и потребностям.

Если отношение дославянских обитателей современных окрестностей Гомеля к природе было консервативным и охранительным, то славяне, как и всякий динамичный, активный и развивающийся этнос (без энергетической активности, пассионарности славян в начале новой эры не было бы их переселений, миграций, освоения ими новых мест), привнесли элементы «творческого» подхода к кормящей их территории, что по сути стало началом ее истощения. Равновесие между природой и человеком, поддерживавшееся веками, было нарушено, и подсечное земледелие за короткий срок уничтожило обширные лесные массивы. Вот почему послеледниковое озеро стало Горелым болотом.

Славяне приспосабливались не только к ландшафту, но и к своим соседям. Изолированного существования этносов никогда и нигде не было (в абсолютном, конечно же, значении). Какой же вариант этнических контактов имел место в Посожье и, в частности, в гомельских окрестностях? Думается, что это был симбиоз, т. е. сосуществование, при котором разные этносы, занимая свою экологическую нишу, соответствующую их хозяйственно-культурным навыкам, не смешиваются и не подражают друг другу, но очень заинтересованы в соседстве, поскольку обмениваются продуктами хозяйственной деятельности и делятся своим жизненным опытом.

Славяне и их соседи в Посожье (как, впрочем, и в других районах Восточной Славии) различались прежде всего тем, что первые были молодым, растущим, сверхактивным этносом, а вторые, наоборот, являлись реликтами. Реликтовые этносы, или этносы-изоляты, чужих в свою среду допускают неохотно, зато могут инкорпорироваться в иную этническую среду – именно ту, которая характеризуется динамичностью. Вот и в гомельских

окрестностях на протяжении нескольких столетий (вплоть до X–XI веков) происходила инкорпорация иноплеменников в славянскую этноязыковую среду, при этом представители этносов-реликтов постепенно меняли свои традиции, обычаи и верования. Но сосуществование с другими этническими группами не прошло бесследно и для славян. Последние, в частности, переняли от соседей словесные обозначения для ориентирования в новой природной среде, в том числе – названия различных географических объектов (рек, болот, озер, лесов, лугов, возвышенностей, низин и т. п.). Одним из таких названий, трансформировавшихся в речи славян, но тем не менее сохранивших следы иного языка, на котором оно было создано, является исконное название паркового Лебединого озера – *Гомиюк*, или *Гомеюк*.

Название этого древнего оврага, как нам представляется, состоит из двух частей, вторая из которых как раз и возникла в языке дославянских обитателей данной местности. По крайней мере, в суффиксе *-ук* (*-юк*) есть основания видеть «стертый» географический термин со значением «вода», «река». Такое слово отмечено в финно-угорских языках, в частности, в древнепермском, эстонском, марийском, ливском и других (ср.: древнепермское *юг*, *юк* «река», эстонское *йоги* «река», марийское *йогы* «течение», ливское *ёг* «река»). По оврагу Гомиюк в Сож текла одна из нескольких малых рек на пересеченной, овражистой местности *Гомий*. Да, именно так назывался центр современного Гомеля в первые века новой эры, поскольку в первых летописных известиях о Гомеле древнерусской поры, в том числе и в первом упоминании города, употреблялась как раз форма *Гомий*, изменившаяся в летописях и актах периода Великого княжества Литовского (XIV–XVI века) в *Гомей*. Вот почему во втором издании нашей книги внесено уточнение в ее название: «От Гомиюка до Гомеля», а не «От Гомеюка до Гомеля», как было первоначально. Впрочем, в современной историко-краеведческой литературе устоялось применение двух форм названия – как *Гомиюк*, так и *Гомеюк*.

Топоним *Гомий*, *Гомей* по своей форме является славянским прилагательным, корневая часть которого (*Гом-*) имела значение «возвышенность», «холм», «гора» (ср., например, украинский народный географический термин *гомок* – «куча земли, бугор»). Суффикс *-ий*, *-ей* образовывал в сочетании с корнем относительное прилагательное, которое должно было бы пониматься как «холмистая (местность)». Однако слова, обозначающие возвышенный рельеф (гору, холм, высокий берег), могут одновременно иметь и противоположное значение, то есть указывать на углубление, низину, яму, впадину, овраг, ущелье. Такая особенность отмечена не только в славянских, но и в целом ряде других языков на евразийских просторах, и в этой связи небезынтересно обратить внимание на следующие слова (географические термины): осетинское, таджикское *гом*, *ком* «ущелье», персидское, афганское *кам* «ущелье», лезгинское *кам* «овраг», «балка», «ложбина», а в лезгинских диалектах еще и «ручей», таджикское *хами* «впадина, низина, небольшая низменность», *хам* «опущенный», «имеющий склон», «извилина». В этом контексте и название-прилагательное *Гомий*, *Гомей* могло «читаться» нашими предками не только и даже не столько как «холмистая местность», сколько как «пересеченная оврагами местность», а гидроним (наименование речки) *Гомиюк* понимался в значении «речка, протекающая в овраге». Считаем необходимым пояснить данное предположение.

Основное внимание при толковании названия психологически концентрируется на корне *гом-*, который связывается с единичным бугром, холмом, конкретной возвышенностью. В сознании гомельчан и гостей города такой холм ассоциируется с высоким правым берегом реки Сож, где расположен знаменитый дворцово-парковый ансамбль Румянцевых и Паскевичей. Высокий берег, напоминающий продолговатый холм, может показаться тем местом, которое обусловило появление названия города в разных его формах – *Гомий*, *Гомей*, *Гомель*. Стереотип мышления, однако, в данном случае мешает.

В самом деле, признак возвышенности для правого берега Сожа в районе Гомеля является абсолютным. Это значит, что весь берег представляет собой сплошное высокое место, без признаков явного всхолмления. Иллюзию «холмов» на территории старого парка создают именно глубокие овраги, бывшие русла речек, несших свои воды в прежние времена в сторону Сожа. Но если длительное время находиться, жить, вести хозяйство на

высоком правом берегу реки Сож в окрестностях старого Гомеля, то неизбежно возникнет необходимость считаться не с холмами и возвышенностями, которых, в принципе, нет, а с глубокими оврагами, с выгодами и неудобствами пересеченной местности.

Это, как можно полагать, хорошо осознавали древние обитатели гомельских окрестностей. Это же заметили и первые славянские поселенцы, в речи которых произошло оформление названия-прилагательного *Гомий*, *Гомей*, ставшего обозначением всей ближайшей «овражистой», пересеченной местности над Сожем. О том, что эти, основные, формы названия первоначально относились не к какому-то конкретному поселению, а к местности вообще, свидетельствуют и «второстепенные» формы названия – *Гомь*, *Гомье*, *Гомъе*, *Гомъи*, встречающиеся в различных источниках и напоминающие древневосточнославянские «собирательные» топонимы. Форма *Гомель*, впервые появляющаяся в инвентарях города и волости в конце XVI – начале XVII веков, возникла, как традиционно считается, под влиянием латинской графики и латинского языка, на котором в то время писались государственные акты и документы Речи Посполитой. Не исключено, однако, что отражение этой формы топонима в письменных памятниках было обусловлено местным произношением, которое и учли составители гомельских инвентарей.

Различие между формами *Гомий*, *Гомей*, *Гомь*, *Гомье* и прочими, с одной стороны, и формой *Гомель*, с другой стороны, состоит в том, что последняя из них не имеет значения собирательности и не воспринималась, по-видимому, как наименование-прилагательное, относящееся к местности вообще, а являлась обозначением сложившегося поселения, осмыслявшегося отдельным, самостоятельным объектом вне обязательной связи с той местностью, в которой этот объект находился.

Переоформление суффиксальной части топонима и превращение топонима в ойконим (название собственно населенного пункта), на наш взгляд, произошло только после возникновения города в местности Гомий на основе нескольких предшествовавших поселений. Появление города предопределило дифференциацию наименований применительно к местности и городскому поселению, но эта дифференциация, значимая для жителей Гомеля, не имела, как можно полагать, существенного значения для составителей летописей и государственных актов Великого княжества Литовского. В данных документах по традиции определенное время фиксировалась старая, более привычная и известная, хотя и несколько измененная форма *Гомей* (вместо *Гомий*).

Топоним *Гомель* типологически соотносится с географическими названиями, оканчивающимися на *-ль*, *-ля*, которые фиксируются на территории расселения новгородских словен и кривичей. Эти топонимы возникли как результат славяно-иноязычного контактирования, осуществлявшегося с V–VI веков новой эры. Среди географических наименований на старых кривичских землях обращает на себя внимание название деревни Гомель Полоцкого района, расположенной на левом берегу реки Туровлянки у озера Гомель. Интересно, что в писцовых книгах Московского государства XVI века имеется упоминание «волости Гомецкой на озере Гомье», доказывающее, что и в данном случае форме *Гомель* предшествовала форма древнерусского прилагательного.

Появление названия *Гомье* в Придвинье было связано с постепенным продвижением групп славянских переселенцев с юга, из районов Поднепровья и Посожья. Основная часть «южных» мигрантов достигла территории современной Витебщины к VIII веку. Эти «пришельцы» и могли принести с собой родное название из мест своего былого проживания. В славянской речи оно, вероятно, звучало как *Гомий*, *Гомье*, но в процессе взаимодействия с автохтонным населением (скорее всего, финно-уграми) переоформилось в *Гомель* по типу иных названий топонимической модели на *-ля, -ль*. Впрочем, даже по фонетическим закономерностям славянской речи в таких оборотах, как «увидеть Гомье», «приехать из Гомья», «жить в Гомье» должен был появиться звук [л], так называемый «*л*-эпентетикум». Тем не менее вероятность появления формы *Гомель* как в Полоцком крае, так и в Посожье под воздействием языка предшественников славян (финно-угров) представляется весьма интересной в связи с отражением в названии гомельского оврага Гомиюк реликтового корня финно-угорского происхождения.

Но возможно ли такое, чтобы в одном и том же названии сочетались основа, оформленная по-славянски (*Гомий, Гомей*), корень, который мотивируется с помощью фактов славянских, иранских и кавказских языков (*гом-*), и «суффикс», объясняемый из финских языков? Ничего удивительного в этом нет; по крайней мере, рассматриваемый языковой факт является следствием того этноязыкового симбиоза, сосуществования древних племен на территории современного Гомеля, о котором шла речь выше. «Мозаичность» одного только слова отражает такую же «мозаичную» действительность. Название реки Сож, кстати, объясняется в научной литературе с опорой на факты славянских, балтских, индоиранских и финно-угорских языков. Разные версии хотя и исключают друг друга, тем не менее косвенно подтверждают реальность взаимодействия славянских, балтских, индоиранских и финно-угорских этнодиалектных групп в Посожье в начале новой эры.

Слово *гом* с вероятным значением «возвышенность над оврагом, низиной» в самостоятельном употреблении не зафиксировано (ср., однако, словенский термин *гом* в значении «холм»), но его существование в прошлом можно предполагать. Не исключено, что это слово использовалось еще дославянским населением окрестностей Гомеля для обозначения места своего обитания. Может быть, слово **гом* в различных фонетических вариантах издавна использовалось в широкой контактной зоне, где взаимодействовали различные по происхождению и языку этносы, то есть его следует рассматривать как своего рода «интернациональный» элемент в языках народов Восточной Европы.

Несомненным расширением корневой основы *гом* являются белорусское диалектное слово *гамэлак* «ком твердой земли на пашне», известное, кстати, в среднебелорусских посожских говорах, и верхнелужицкий географический термин *гомила* «холм», с которым этимологически связано слово *могила*. По всей видимости, известностью слова *гомила, гомола* в западнославянских языках и диалектах объясняется наличие на территории северной Польши (вблизи Гданьской бухты и Висленского залива) географического названия *Гомула*, соотносящегося с речкой (этот водный объект, судя по польским географическим справочникам XIX века, имел и параллельное название – *Гомель)*. Также на территории Польши, но уже в южной ее части, в предгорьях, отмечается возвышенность *Гомола*, или иначе – *Сухогора*.

Формирование кривичского населения в Придвинье осуществлялось на основе синтеза, во-первых, славянских и неславянских групп, а во-вторых, в результате объединения славянских общин, пришедших сюда как с юга, так и с запада и северо-запада, причем западные славянские мигранты появились на будущей территории новгородских словен и кривичей в конце V – начале VI веков новой эры. Возможно, что и они могли принести с собой название для озера Гомель в Полоцком районе Витебской области. Заметим, что и в составе посожских радимичей также имелся весьма вероятный западнославянский этноязыковой компонент (происхождению радимичей посвящен специальный раздел нашей книги).

Как видим, ответ на вопрос, почему на карте Беларуси существуют два Гомеля, не может быть однозначным. Этот вопрос связан со скрытыми во мгле веков этническими процессами, судить о которых позволяют лишь сохранившиеся до наших дней и реконструируемые с той или иной долей вероятности языковые фрагменты канувших в бездну времени эпох. Очевидно и бесспорно только то, что гомельский овраг Гомиюк хранит тайну появления названия *Гомель*. Название этого оврага было связано с самыми низовьями протекавшей некогда по нему речки, т. е. с той ее частью, которая превращена в парковое озеро. Верховья же, судя по всему, назывались иначе.

...В самом центре современного Гомеля находится небольшая и сравнительно тихая в наше время улица – Речицкая. Чтобы попасть на нее, нужно идти, например, по улице Крестьянской до пересечения с улицей Гагарина. Здесь, рядом с городским рынком, и начинается Речицкая улица, которая тянется прямо на юг, в сторону улицы Моисеенко.

Название *Речицкая улица* на топонимической карте Гомеля нашего времени – самое старое. Оно было связано с данной улицей еще в XIX веке, в то время как названия соседних улиц, интересные и знаменательные по-своему, в послереволюционное время были заменены. Вообще название *Речицкая улица* для Гомеля является традиционным. В XVI–XVIII веках

в городе также существовала Речицкая улица. Она, в соответствии с реконструкцией гомельского историка и археолога О.А. Макушникова, начиналась у современной башни краеведческого музея, т. е. возле княжеского дворца (его в то время не было, и мы лишь используем более новые или современные ориентиры), и продолжалась по линии «ресторан «Беларусь» – здание облисполкома», где завершалась Речицкой башней и въездными воротами в старый Гомель. Эта Речицкая улица исчезла в самом начале XIX века, а совсем другая Речицкая улица появилась некоторое время спустя и сохранилась до наших дней.

Хотя в топографическом отношении две Речицкие улицы в Гомеле старого и нового времени совершенно различны, причина, обусловившая появление такого внешне простого названия – *Речицкая улица*, в обоих случаях одинакова. Самый очевидный вариант решения загадки названия следующий (собственно говоря, при таком варианте решения никакой загадки и нет): старая Речицкая улица, заканчивавшаяся «брамой», была ориентирована на дорогу, связывавшую Гомель с Речицей. Однако под словом *Речица* понималась совсем не Речица дальняя, приднепровская, а Речица ближняя, от которой в наше время никаких иных следов, кроме языковых, топонимических, не осталось.

В старом Гомеле во второй половине XVIII века (а скорее всего, и в более ранние времена) существовало предместье Речицкое Подвалье. Слово *Подвалье* понималось как «территория под городским валом», т. е. за системой внешних городских укреплений. Определение *Речицкое* свидетельствовало, что предместье располагалось у Речицы или на Речице. Простое наложение на карту той территории, о которой идет речь (за зданием современного облисполкома), показывает, что Речицей в данном случае являлось русло реальной речки, низовья которой связаны с оврагом Гомиюк.

По всей видимости, славяне, осваивавшие территорию, где расположен центр современного Гомеля, еще до того, как переняли от предшественников и усвоили название *Гомиюк*, дали соответствующей речке свое, исконно славянское наименование – *Речица*. Перемещаясь в основном по рекам, осваивая водно-волоковые пути, переселенцы-славяне осмысляли и оценивали водные объекты преимущественно в связи с возможностью движения по ним, отчего в бассейнах крупных рек – Днепра, Сожа, Березины, Оки, Западной Двины, Припяти, Немана – появились гидронимы *Быстрица*, *Теча* и *Нетеча*, *Речица*, *Случь* (т. е. «изгибающаяся, сворачивающая и соединяющая»), *Проня* (т. е. «помогающая проникнуть»), *Перегонка*, *Прудок* и *Прудовка* (т. е. «стремительная, текущая»), *Дорожанка*, *Пловка*, *Стрелка*, *Проворка*, *Негребка*, *Суходолка*, *Водопьянка*, *Жевуница* и *Живка* (т. е. «живая вода»), *Раздорка*, *Безводка* и т. п.

Название *Речица* в славянских диалектах понималось и понимается как «небольшая река, приток, ответвление основной реки». Однако кроме собственно «водного» значения, слово *Речица* имело еще и значение «городское»: *Речицей* называли поселение, возникавшее непосредственно у реки, «на Речице». Приднепровский город Речица был как раз назван по одноименному днепровскому притоку, возле которого в свое время остановилась переселенческая славянская община. Может быть, и на берегу гомельской Речицы в доисторические для Гомеля времена также существовало славянское поселение? Увы, топонимика на данный вопрос дать утвердительного ответа не может, для этого нужны исследования археологов.

Гидроним *Речица* был известен гомельчанам еще и в XIX веке, иначе не появилось бы названия новой Речицкой улицы, формировавшейся, скорее всего, во второй половине этого столетия. Рядом с новой Речицкой улицей находилась улица Белицкая. В 1937 году ей дали имя Г.Ф. Байдукова, легендарного летчика, совершившего вместе с В.П. Чкаловым и А.В. Беляковым в июне этого года первый в мире беспосадочный перелет через Северный полюс. В 1957 году, когда реализовывался Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и иным населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям», в соответствии с которым запрещалось давать различным географическим объектам, в том числе и улицам, названия в честь живых людей, улица Байдукова была названа именем писателя В.Г. Короленко.

Нас, однако, интересует самое первое название – *Белицкая улица*. Старожилы помнят широкий овраг, располагавшийся вдоль этой улицы. Через овраг был переброшен мост; небольшие мостики кое-где вели от одного дома к другому, особенно в тех местах, где грязь не просыхала и летом (Белицкая и Речицкая улицы в конце XIX – начале XX веков были особенно грязными, даже заболоченными). Некоторые хозяева клали возле своих домов деревянные тротуары.

Упоминание об овраге, в котором даже катались на лодках, является вполне определенным доказательством нашей версии о происхождении названия Речицкой улицы. Проекция Белицкой улицы с ее оврагом на историческую карту Гомеля показывает, что этот овраг – не что иное, как верховья Гомиюка, или Речицы. Истоки этой речки находились, как уже было сказано, у так называемого Ярославского (Орловского) болота, т. е. у западной части Горелого болота; затем речка текла по низине, которая исчезла при прокладке линии железной дороги, и поворачивала в сторону Белицкой улицы.

Далее следы русла исчезают, поскольку этот участок речки просто засыпали в свое время в связи с формированием Кузнечной улицы (ныне – улица Интернациональная). Тем не менее понижение рельефа местности в районе станкостроительного завода имени С.М. Кирова заметно и в наши дни.

После пересечения руслом Кузнечной улицы начиналась та его часть, которая известна в наши дни как *Кагальный ров*. В этой глубокой низине на углу Фельдмаршальской (Пролетарской) и Замковой (проспект Ленина) улиц в полуразвалившихся лачугах в начале XX века ютилась еврейская беднота (отсюда становится понятным и определение *Кагальный* в составе названия *Кагальный ров*: *Кагальный* – от слова *кагал* «еврейская община и общинное самоуправление», «шумная толпа, сборище»). Кагальный ров сохранил свой первозданный вид (за исключением, конечно, еврейских лачуг) и доныне. Кстати, здесь, в зарослях кустарника, накануне первой русской революции проходили сходки рабочих гомельских промышленных предприятий.

За Кагальным рвом начинался собственно Гомиюк, впадавший в Сож. Остатки единого русла, как видим, на разных участках имели разные наименования. Наиболее древними из них, конечно же, являются два – *Гомиюк* и *Речица*: *Гомиюк* – переработанное славянами дославянское обозначение нижнего течения речки, связанное с пересеченной местностью у самого Сожа; *Речица* – исконно славянское наименование верхнего течения реки и всей прилегающей местности, на которой не исключено существование еще в начале I тысячелетия новой эры поселения одной или нескольких славянских общин.

А что же – *Белица*? Это наименование на *-ица*, как и *Речица*, также далеко не новое. Можно предположить, что в понимании наших предков *Белицей* назывались места сенокосных угодий в пойме Речицы (кстати, именно такое значение имеет географический термин *белица* в восточнославянских говорах). Но *Белицей* называют также небольшие речки с низкими заболоченными берегами, поэтому возможно, что это название было еще одним, третьим обозначением Гомиюка-Речицы, возникшим у наших славянских предков после того, как наименование *Речица* стало двузначным, т. е. начало соотноситься с вероятным поселением, предшествовавшим собственно Гомелю.

Впрочем, название *Белица* могло появиться и в более новое время для обозначения остатков русла Речицы и заболоченных участков, прилегающих к оврагу, и появление этого названия было обусловлено постепенным «угасанием» старого гидронима *Речица*, понимавшегося как «текущая река», вслед за исчезновением самой речки. К сожалению, географические названия не содержат в себе датировки, поэтому нам и приходится учитывать самые разные варианты их прочтения.

Заметим здесь, что память о гомельской Речице, в отличие от названий некоторых других объектов, не исчезала очень долго. Например, в дорумянцевском Гомеле, кроме Речицкой улицы, была и улица Чечерская, располагавшаяся, по современным ориентирам, между зданием Петропавловского собора и фабрикой «Полеспечать» и заканчивавшаяся также въездными воротами с башней. После перепланировки города в начале XIX века Чечерская улица исчезла, не возродилось и ее название, хотя, по логике вещей, Чечерской улицей вполне

могла быть названа одна из центральных улиц нового Гомеля, например, Могилёвская (Кирова) или Пробойная (Румянцевская-Советская), которые вели прямо на север в направлении Чечерска. Так, однако, не случилось, поскольку не было никаких иных оснований сохранять предшествующее наименование, кроме традиции. Традицией же пренебрегли. А вот Речицкая улица вновь появилась на карте Гомеля, потому что, кроме традиции, в данном случае имелись и другие причины сохранить название, о чем мы только что и рассказали.

Не менее интересная и важная для истории Гомеля информация содержится и в названиях других гомельских оврагов, в частности, Боярского спуска. В XIII веке Боярский спуск, по дну которого струилась небольшая речка, был границей посада древнего Гомия. В XVII–XVIII веках здесь располагалась городская окраина, а за ней, примерно там, где ныне стоит Охотничий домик и протянулась улица Садовая, рос естественный, преимущественно лиственный лес.

От названия Боярского спуска получила название и улица Боярская (ныне – Баумана), формировавшаяся в начале XIX века. Никакие «бояре» здесь никогда не жили, хотя сам район Боярской и соседних с ней улиц всегда считался аристократическим. Что же в таком случае скрывается за названием *Боярский спуск*?

Слово *бояре* издавна имело, кроме социального, еще и культурно-историческое (с мифологическим оттенком) значение, которое проявлялось, в частности, при именовании археологических объектов. Например, древнее городище в окрестностях поселка Городок Столбунского сельсовета Ветковского района расположено в урочище *Боярщина*. Места древних укрепленных поселений в народе иногда называются *Боярскими буграми*. Наименование *Боярские могилы* в некоторых местностях используется для обозначения древних грунтовых захоронений. Образы бояр и князей в преданиях, связанных с археологическими объектами, олицетворяют далеких предков, когда-то владевших теми или иными городищами и захороненных в соответствующих курганах. Правда, вероятно и то, что *Боярщиной*, *Боярскими могилами*, а также *Княжьей Горой*, *Княгинками* (городища), *Княжьим кладбищем* (курганные могильники) называются не простые, обычные места захоронений, а места, особо значимые, имевшие когда-то специфическую функцию, отличную от функций обычных укрепленных поселений и обычных кладбищ возле таких поселений. В аспекте этой информации можно предложить и варианты «прочтения» названия Боярского спуска в Гомеле.

В дореволюционных источниках о нашем городе содержатся смутные координаты двух самых древних кладбищ в современной городской черте. Одно из них еще в первой половине XVIII века находилось напротив оврага Гомиюк, за городскими укреплениями, в самом начале нынешнего проспекта Ленина, на нечетной его стороне. Второе кладбище располагалось в районе Боярской улицы и Боярского спуска (заметим, что кладбище предшествовало появлению Боярской улицы и существовало здесь, по-видимому, еще с древнерусского времени, находясь за границей посада изначального Гомия). Можно предположить, что это древнейшее кладбище именовалось *Боярским*, а само место – *Боярщиной*, поскольку захоронения могли вестись на территории, где до этого находились какие-то курганы (возможно, еще радимичские), мифологизировавшиеся, то есть легендарно объяснявшиеся всегда, во все времена. Вполне вероятно бытование в прошлом забытого в новое время предания о том, что на кладбище захоронен некий боярин-воевода, предводитель храброй дружины, отражавшей вражеское, может быть, монголо-татарское нашествие (впрочем, здесь вполне мог покоиться и реальный боярин-воевода).

Не исключено и еще одно объяснение «Боярского места» над рекой Сож. Название *Боярщина*, «отголоском» которого является обозначение Боярского спуска, могло быть связано с городищем, сооруженным на краю леса, у места впадения в Сож одного из его притоков. Рядом с городищами обычно располагались и кладбища. Если это так, то городище предшествовало Гомию, поэтому гомеляне, не умея объяснить иначе факт его (городища) существования, придумали легенду о боярине-воеводе, жившем в незапамятные времена в этом месте и здесь же похороненном. К сожалению, высказанные нами предположения вряд ли когда-нибудь удастся доказать, как, впрочем, и опровергнуть.

Центральная городская библиотека Гомельская

На территории Беларуси городища, т. е. укрепленные поселения, известны с позднего бронзового века, но массово они распространились только в раннем железном веке (с IX–VIII вв. до н. э.). Одно и то же городище могло использоваться на протяжении нескольких веков. Археологи обнаружили остатки городища на отроге коренной террасы Сожа у здания областного краеведческого музея в парке им. А.В. Луначарского. Культурный слой укрепленного поселения датируется VII–VI веками до новой эры – I веком новой эры.

Еще одно городище, возникшее в раннем железном веке в границах современного Гомеля, располагалось за нынешним спорткомплексом «Динамо» в районе улицы Кожара. Археологи считают, что люди на этом городище жили вплоть до XIII века. Местность вблизи археологического памятника известна под названием *Бурое болото*. Можно предполагать, что городище сооружалось над водным объектом – вероятным озером, о наличии которого позволяют судить сведения о родниках в этом районе. В краеведческих публикациях высказывалось предположение о том, что городище было сооружено над руслом небольшой речки Струпицы, правого притока Сожа, устье которой находилось в районе современного грузового порта. Остатками русла считается имеющийся здесь глубокий овраг.

Гидроним *Струпица*, если считать его в данной местности реальным, интересен своей иллирийской языковой основой, имеющей значение «текущая, струящаяся вода». В документах XVI–XVII веков упоминается речка Струпица в окрестностях села Волковичи (территория современного села Урицкое Гомельского района). Это название, как и аналогичный ему гидроним *Струпа*, фиксируемый в окрестностях села Глубоцкое Гомельского района, скорее всего, принесли с собой первые группы славянских переселенцев, двигавшихся с юго-запада на рубеже старой и новой эр.

Топонимические материалы позволяют с высокой долей вероятности указать на места неоткрытых городищ в границах современного Гомеля. Берега Боярского спуска – не единственное в этом смысле место. Одно из городищ железного века находилось у того древнего озера, из которого брали начало несколько речек, устремлявшихся к Сожу и вымывавших на склонах высокого правого сожского берега крутые спуски-овраги. Об этом – следующий раздел нашей книги.